

Надежная опора для друзей и союзников

События на мировой арене в последние годы позволяют сделать один очень важный вывод: из всех крупных стран или групп стран только Россия ведет себя как надежный союзник.

Вспомним войну на Кавказе в августе 2008 года. На протяжении нескольких лет перед этой войной Грузия по всем вопросам была «большим натовцем, чем сами натовцы». Однако, когда грузинские войска атаковали Южную Осетию, Россия мгновенно пришла на помощь этой республике, а затем и Абхазии. А когда в результате российского вмешательства Грузия начала терпеть поражение, НАТО не шевельнуло пальцем, чтобы ей помочь чем-либо, кроме пустой демагогии. Причем не только во время войны, но и после нее. Грузию не только не приняли в альянс, но ввели негласное, но жесткое

эмбарго на поставки этой стране оружия. Весьма симптоматично, что новые грузинские власти заявили о желании продать большую часть той техники, что у них еще осталась, в первую очередь — танков. В Тбилиси поняли, что вернуть Абхазию и Южную Осетию военным путем невозможно. Именно потому, что этим двум странам поможет Россия, а Грузии не поможет никто.

Абсолютно аналогичная история произошла с Крымом и Украиной. После свержения Януковича Россия мгновенно пришла на помощь народу Крыма, предотвратив там бойню, запланированную украинс-

кими олигархами (осуществить ее должны были «Правый сектор» и прочие радикальные группировки). А вот Запад, при всей его антироссийской истерии, не сделал ничего для новых киевских властей, столь же истово прозападных, как в свое время Саакашвили. Он не оказал Украине никакой военной помощи, да и экономическая помощь Киеву совершенно недостаточна, к тому же еще больше загоняет Украину в долговую кабалу.

Не менее показательными стали события «арабской весны», затянувшейся на три года. Хочется в очередной раз подчеркнуть, что, вопреки весьма распространенному мнению, ни из чего не следует, что «весна» организована Западом. Хотя бы потому, что совершенно неясно, какие выгоды Запад получил или хотел получить из ближневосточного хаоса. Пока он тер-

пит одни сплошные убытки, это очевидный факт. Еще один не менее очевидный факт — это вновь проявившееся отношение Запада к своим союзникам.

Президент Туниса Бен Али и Египта — Хосни Мубарак были политиками безупречно прозападными. Причем если геополитическое значение Туниса невелико, то Египта — огромно. Это страна с самым мощным в арабском мире демографическим, военным и промышленным потенциалом, к тому же контролирующая Суэцкий канал. Однако когда в этих странах начались революции, Запад не то что никак не поддержал своих вернейших союзников, но немедленно провозгласил их «кровавыми диктаторами», хотя всего несколькими месяцами ранее они были «уважаемыми авторитетными политиками».

Еще показательнее история ливийского лидера Муамара

Каддафи, когда-то большого друга нашей страны, решившего в начале 2000-х подружиться с Западом. Каддафи признал вину за «дело Локерби» (подрыв пассажирского самолета над Великобританией в декабре 1988-го), отказался от ядерной программы, за что вроде был пол-

И только президент Сирии Башар Асад сохранил хорошие отношения с Москвой. И именно поэтому жертвой «весны» он до сих пор не стал, хотя силовое давление на него оказано гораздо более сильное, чем на Бен Али, Мубарака и Каддафи вместе взятых. А вот прозападная си-

войска, получающие вполне реальную и очень значительную помощь от России и Ирана, но и исламские боевики, финансируемые арабскими монархиями.

В последние годы очень большую внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность демонстрирует Китай, провозглашающий себя лучшим другом развивающихся стран. Но на роль надежного союзника он тоже пока не тянет. Например, в Ливии у Китая было множество многомиллиардных контрактов, но тем не менее он не оказал Каддафи не только военной, но даже дипломатической поддержки. Еще более странной является позиция Пекина в сирийском конфликте. У нас почему-то принято считать, что Китай вместе с Россией и Ираном полностью поддерживает Асада. На самом деле даже на уровне риторики этой поддержки почти незамет-

но. А на практике новейшие китайские переносные противотанковые и зенитные ракетные комплексы в больших количествах появились у боевиков оппозиции. Внятных официальных объяснений у этого феномена до сих пор нет. Реальное объяснение вполне очевидно — ПТТРК и ПЗРК напрямую покупает у Китая Саудовская Аравия и передает боевикам. Причем в Пекине это прекрасно понимают. Но для китайцев важнее, во-первых, деньги, во-вторых, нефть, главным поставщиком которой в КНР является именно Эр-Рияд. Это, конечно, очень прагматичная политика. Только из нее следует, что на Пекин, как и на Вашингтон и Брюссель, опираться нельзя. Можно только на Москву. Очень символично, что с прошлого года в сирийских школах в программу включено изучение русского языка.

На Пекин, как и на Вашингтон и Брюссель, опираться нельзя. Можно только на Москву

ностью процен. И тоже стал «уважаемым и авторитетным». Сильвио Берлускони в 2009 году даже поцеловал Каддафи руку, когда тот посещал с визитом Италию. Но потом в Ливии тоже пришла «весна». И Каддафи снова стал «кровавым диктатором». Бомбили его как раз с территории Италии...

рийская оппозиция до сих пор получает от Запада лишь продовольствие и медикаменты, а также заклинивания о том, что «Асад утратил легитимность и должен уйти». Правда, в последнее время и заклинивания становятся все тише, а прозападную оппозицию быт теперь не только правительственные

Трансформация современной войны

Вооруженные конфликты последних лет требуют очередного переосмысления характера современной войны. Иногда кажется, что за трансформацией войны не успевает военная мысль даже в самих воюющих странах.

Уже давно казалось, что классическая война «армия против армии» уходит в прошлое. Для наиболее развитых стран ее заменителем становится высокотехнологичная война, подразумевающая быстрый, сокращающий и безнаказанный разгром противника за счет подавляющего технологического превосходства, в первую очередь — соединения средств разведки и высокоточных боеприпасов. Противник подвергается уничтожению буквально «в реальном масштабе времени», не успевая даже осознать, что происходит.

Неким асимметричным ответом на высокотехнологичную войну стала «мятежевойна». Концепцию «всемирной мятежевойны» сформулировал в середине 50-х полковник русской, затем Белой армии Евгений

Месснер. Под ней он подразумевал войну, в которой будут участвовать не только и не столько армии и государства, сколько народные движения и иррегулярные формирования, а психология, агитация и пропаганда окажутся важнее оружия. Дальнейшее развитие событий в мире полностью подтвердило его выводы. Доля войн с участием негосударственных субъектов стала приближаться к 100%. Как правило, эти негосударственные субъекты действуют партизанскими методами, что крайне затрудняет регулярным армиям борьбу против них, нивелируя их технологическое превосходство.

Многочисленные «мятежевойны» показали, что бороться против партизан способны лучше всего формирования, использующие партизанские же

тактику и организацию. Кроме того, само по себе доминирование «мятежевойн» над классическими войнами способствовало «облегчению» ВС, то есть приоритету мобильности по сравнению с огневой мощью и защищенностью. Это привело к резкому росту популярности десантных и специальных формирований в составе практически всех хоть сколько-нибудь дееспособных армий мира. К тому же для некоторых малых стран проще создать небольшое элитное подразделение, чем большую регулярную армию, хорошо подготовленную во всех компонентах. Наконец, спецназ благодаря своей компактности, высокому уровню подготовки и отсутствию тяжелой техники может вести секретные боевые операции в мирное время. Тем более сейчас «крышей» для спецназа могут иногда выступать частные военные компании (ЧВК). Их роль растет стремительно. Главная их ценность в том, что бойцами ЧВК являются настоящие профессионалы, готовые на очень серьезный риск, если он хорошо оплачива-

ется. Соответственно, ЧВК не имеют основного недостатка западных армий — психологической неготовности к войне. «Частники», стремясь минимизировать издержки, с потерями, как правило, не считаются. Однако эти потери не включаются в официальную статистику стран, что очень удобно с пропагандистской точки зрения: гибель сотрудников частных компаний является их личной проблемой, а не государственной.

Теперь практически любая война становится сложнейшим синтезом классической, высокотехнологичной, информационной и «мятежевойны»

Содержание наемника обходится примерно в 10 раз дороже, чем военнослужащего регулярной армии. Однако тот факт, что государственное руководство не несет формальной ответственности ни за потери ЧВК, ни за социальное обеспечение их бойцов, ни за преступ-

ления, совершаемые их сотрудниками, которые при этом являются настоящими добровольцами-профессионалами, ведет ко все более широкому их задействованию в войнах вместе с регулярными армиями либо вместо них, дороговизна отходит на второй план. Также ЧВК прекрасно вписываются в парадигму «мятежевойны», участниками которой всегда являются негосударственные субъекты.

Информационная война становится все более значимой

составляющей войны в целом (особенно после появления Интернета). Более того, она все чаще может вообще заменить собой «обычную» войну. Роль информационного фактора очень сильно выросла с точки зрения влияния на исход боевых действий. Целью каж-

дой из сторон становится максимальная ситуационная осведомленность, то есть полное представление о ситуации на поле боя в каждый отдельный момент времени с возможностью доступа к этой информации всех заинтересованных лиц, а также одновременно максимальная дезинформация противника, который в идеале должен иметь нулевую ситуационную осведомленность. Если эта цель достигается, то это практически гарантирует победу даже при ограниченности собственных сил.

Важнейшей особенностью информационной войны является то, что ее можно вести в мирное время, причем в различных формах. Одной из этих форм являются хакерские атаки на военные и гражданские сети противника. Чем более развитой является страна, тем уязвимее она к таким атакам. Таким образом, здесь налицо еще один асимметричный способ войны с противником, имеющим значительное технологическое превосходство.

Более сложной формой ин-

формационной войны является идеологическая война, которая может привести к краху противостоящего режима без «обычной» войны и даже иногда без понимания того факта, что рухнувший режим был атакован извне, а не только изнутри своей страны.

Для Запада идеологическая война представляет особую ценность. Во-первых, именно западные страны обладают соответствующими возможностями как в технологическом, так и в политическом и экономическом плане. Во-вторых, достижение победы без ведения «обычной» войны крайне выгодно экономически, тем более в условиях значительного падения военных возможностей западных стран.

Впрочем, нигде не делась и традиционная война. Так, в Ливии, Сирии, Ираке, на Украине антиправительственные силы с самого начала вели войну не как партизаны, а как нормальные регулярные армии. При этом ни они сами, ни противостоящие им правительственные армии не имели и не имеют ника-

кого высокоточного оружия и современных средств разведки. Во всех этих случаях налицо жестокая контактная классическая война без всяких высокотехнологичных изысков. Нельзя в связи с этим не отметить, что эти изыски оказываются, как правило, очень сложными, а главное, неумеренно дорогими. Поэтому ни в коем случае не следует их абсолютизировать.

Ну а информационные и идеологические войны теперь принимают поистине глобальный размах, даже если сами классические войны, вокруг которых разворачиваются информационные битвы, являются локальными. На примере Украины это видно особенно хорошо.

Таким образом, теперь практически любая война становится сложнейшим синтезом классической, высокотехнологичной, информационной и «мятежевойны». И любое военное планирование должно исходить из понимания этих фактов. В частности, без такого понимания невозможно обеспечить безопасность Союзного государства России и Беларуси.

МНЕНИЕ

Таможенники всегда на переднем крае

Александр ПЕТРОВ, начальник Оперативно-аналитического управления Государственного таможенного комитета Беларуси:

— Таможенная служба Беларуси работает в условиях постоянного поиска компромисса и разумного баланса. С одной стороны, между контролем товаров и транспортных средств, что обеспечивает необходимую безопасность, и скоростью обработки груза для сокращения затрат субъектов хозяйствования. С другой стороны, между

снижением нагрузки для защиты национальных производителей и одновременным повышением сбора налогов.

Объем товаров, перемещаемых через Беларусь в год, составляет примерно 100 миллионов тонн. 77 процентов из них приходится на железнодорожный транспорт, 23 процента — на автомобильный. 90 процентов товаров транзитного потока, перемещаемых через Беларусь, — российские.

Интересен тот факт, что ежегодно белорусскую границу пересекают 2 миллиона

400 тысяч автомобилей, через все пункты России проезжает более 5 миллионов автомобилей. И это притом, что в Беларуси — 10 миллионов населения, в РФ — 150 миллионов.

В связи с этим правовые основы взаимодействия таможенных служб двух стран должны быть заложены в межгосударственном нормативном акте. Над этим работает экспертная группа Таможенного союза. Уже в ноябре она может завершить разработку Таможенного кодекса и отправить ее на дальнейшее согласование. В документе будут отражены международные нормы перемещения товаров и транспортных

средств, а также правовая база для реализации межгосударственных программ «Одно окно», «Уполномоченный экономический оператор», «Две службы на границе», «Транзит Таможенного союза».

Таможенный кодекс будет основан на главных международных рамочных стандартах. Среди них обязательный обмен электронной информацией между таможенными службами и субъектами хозяйствования в отношении перемещаемых товаров. К слову, уже сейчас между Беларусью и Россией информационный обмен ведется практически по всем направлениям. Обязательно будет использоваться и

система анализа рисков. В рамках Таможенного комитета Союзного государства сформирована рабочая группа, которая формирует совместные профили рисков для территории двух стран. В частности, это касается и контроля занижения таможенной стоимости. Еще один стандарт — применение технических средств, позволяющих осуществлять контроль без вскрытия транспортных средств и багажа. Сегодня на территории Беларуси есть пять инспекционно-досмотровых комплексов (как стационарных, так и мобильных), которые эффективно проверяют большегрузные машины. Планируется, что их ко-

личество возрастет до десяти. В России насчитывается порядка 50 таких комплексов.

В целом, сотрудничество между таможенными службами Беларуси и России налажено на самом высоком уровне. Хорошей проверкой на прочность этого взаимодействия стал чемпионат мира по хоккею в Минске. С целью противодействия ввоза наркотиков и взрывоопасных веществ на территорию Беларуси была организована специальная международная таможенная операция «Лед». Результат совместной работы увидели все. Спортивный форум прошел спокойно и без происшествий.